

Узнав о планах Накахары Яёи отправиться в пеший поход, Гето Сугуру нешуточно забеспокоился. Он всерьез опасался, что физически хрупкий юноша попросту лишится чувств где-нибудь посреди дороги от переутомления. Не дожидаясь приглашения, Сугуру сам вызвался составить компанию, и Яёи с радостью согласился.

Путь предстоял неблизкий: сначала на синкансене до Осаки, а оттуда — в город Сингу. На всю дорогу должно было уйти около трех часов. Недолго думая, они решили выехать завтра же утром.

Следующим утром, когда Гето заглянул в ванную, Яёи как раз закончил умываться и бережно промакивал лицо пушистым полотенцем.

— Доброе утро, — поздоровался Гето, становясь рядом. — Яёи, как твоя рана? Шрам остался?

Яёи взглянул на него поверх полотенца, вопросительно приподняв брови.

— Вчера Сёко обмолвилась, что рана внизу живота была слишком глубокой, — пояснил Сугуру. — Даже после исцеления Обратной проклятой техникой мог остаться след.

Накануне, едва выйдя из душа, Яёи сразу же провалился в глубокий сон и даже не подумал осмотреть себя. Вспомнив об этом после слов друга, он из любопытства приподнял край пижамы и пригляделся к своему отражению в зеркале.

На боку не осталось и следа, но чуть наискось от пупка, у самого бедра, темнела тонкая трехсантиметровая полоска — отметина от удара Перевернутой небесной алебардой Тодзи Фусигуро.

— Почти незаметно, — мягко подбодрил его Гето. — Со временем и вовсе сойдет.

Яёи лишь безразлично пожал плечами: шрам легко прятался под одеждой, и разглядеть его постороннему было невозможно. Куда сильнее его сейчас занимала — возможно, излишне — другая рана. Он невольно подумал об отметине на шее Годжо Сатору.

— У Годжо-куна на шее, прямо над ключицей, тоже остался шрам, — Яёи коснулся пальцами собственной шеи, указывая на то самое место. — У него он слишком приметный. Такой, наверное, ничем не сведешь?

— Наверное... — вздохнул Сугуру. — Разве что косметологи как-нибудь помогут.

В этот момент в коридоре послышались тяжелые шаги — Сатору наконец соизволил покинуть свою спальню. Быстро закинув в рюкзаки самое необходимое, троица покинула территорию Токийского магического колледжа.

На перроне они неожиданно столкнулись с Иэири Сёко. Оказалось, она тоже решила не упускать редкую возможность передохнуть и теперь ехала в Нару, где планировала встретиться со своей приятельницей Иори Утахимэ.

Выслушав бурные восторги Сатору касательно их грандиозного пешего похода, Сёко удивленно хмыкнула:

— Ну вы и двужильные. Помню, в четвертом классе на весенних каникулах родители потащили меня на прогулку по Накахэчи. Я потом два дня ходить нормально не могла — ноги просто отваливались.

— И как там? Красиво? — поинтересовался Годжо.

— Вполне, — припомнила Сёко. — Чтобы проветрить голову после тяжелой миссии — самое то. К тому же сейчас не лето, мошкара не загрызет.

Годжо и Гето согласно переглянулись, и только Яёи тихонько вздохнул про себя.

«Мне бы их энтузиазм», — безрадостно подумал он. — «Я ведь отправился сюда исключительно ради игровых пасхалок. Какое уж тут любование пейзажами... Оставлю осмотр достопримечательностей на второе прохождение».

Прощавшись с Сёко на Токийском вокзале, они заняли свои места в синкансене, летящем в сторону Осаки.

Конечной целью Яёи были скалы Онигадзё, поэтому стандартный туристический маршрут по Накахэчи отпадал. Юноша решил начать путь из города Сингу, двигаться на северо-восток по трассе Исэдзи к святилищу Хана но Иваи в Кумано, а уже оттуда выйти к Онигадзё.

Этот маршрут пролегал вдоль живописного залива, где густые кроны векового леса встречались с бескрайней морской гладью. Пеший переход должен был занять около двух дней, хотя при хорошем темпе можно было управиться и за полтора.

«Два дня — идеальный срок», — рассудил Яёи. — «И свои цели закрою, и Сатору с Сугуру не заскучают. Лучшего компромисса не найти».

Добравшись до Осаки, они быстро пересели на нужную ветку до Сингу. В городе они наспех перекусили в местном ресторанчике и закупились снаряжением: взяли трекинговые палки, питьевые системы и легкие панамы.

Около полудня ребята запрыгнули в дребезжащий пригородный автобус, который повез их по горному серпантину к остановке неподалеку от склона Коясака.

Дорога закончилась тупиком. Отсюда паломникам предстояло преодолеть еще около пяти-шести километров пешком по крутому подъему, чтобы добраться до Великого святилища Кумано Хаятама.

Начало апреля — мертвый сезон для походов, никаких праздников на эти даты не выпадало. Окрестные тропы пустовали: вокруг не было ни души, кроме них троих.

Паломнический тракт Кумано-Кодо, помнящий шаги сотен поколений, за долгие века покрылся выбоинами и острыми осколками камней. Вдобавок ко всему в разгар сезона дождей старинная каменная кладка заросла мхом — скользким и мокрым, точно мыло.

Сугуру окинул взглядом бесконечную череду позеленевших ступеней, утопающих в папоротнике.

— Слишком скользко, — заметил он. — Тут и с палками шею сломать раз плюнуть. Я сбегаю назад к придорожному киоску за аптечкой на всякий случай. Ждите здесь, я мигом.

Яёи и Сатору согласно кивнули и остались ждать его у дороги. Солнце немилосердно пекло, и Годжо, не выдержав духоты, стянул с себя плотную куртку.

Под ней оказалась простая черная футболка с широким вырезом, открывающим взгляду длинный бледно-бурый след на шее.

Яёи против воли засмотрелся на это увечье. Шрам оказался чуть бледнее, чем рисовался в воображении, но выглядел жутко: длинный, уродливый, похожий на распластавшуюся сороконожку, он рассекал боковую сторону шеи, переваливал через ключицу и уходил куда-то глубоко под ворот футболки.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Сатору насторожился:

— Ты чего там высматриваешь? — Он беспокойно заозирался по сторонам. — Шершень где-то вьется?

Яёи поспешно отвел глаза, уставившись на верхушки деревьев, и тихо спросил:

— Откуда этот шрам у тебя на шее?

— А, это... Тот наемник проткнул мне горло проклятым оружием, — Сатору рассеянно провел кончиками пальцев по бугристой коже. — Рана была сквозная, плоть разворотило знатно, вот кожа ровно и не затянулась. Но Сёко обнадежила: говорит, благодаря воздействию обратной проклятой техники след со временем совсем сойдет.

Прокручивая в голове его слова, Яёи внезапно зацепился за одну деталь. Его словно громом поразило: Годжо Сатору освоил Обратную проклятую технику.

— Погоди... — нерешительно уточнил он. — Ты сам себя исцелил?

— Ну да, я наконец-то раскусил её принцип, — ухмыльнулся Сатору, хотя в его голосе промелькнуло сожаление. — Правда, пока могу латать только собственную шкуру. Делиться проклятой энергией с другими не выходит.

Значит, находясь на волосок от гибели, Сатору совершил качественный прорыв и полностью восстановил свое тело. А это означало лишь одно: теперь он способен поддерживать свою Безграничность круглые сутки, постоянно обновляя поврежденные клетки мозга и не боясь перегрузки.

Опасаясь, что парень по глупости растрепал об этом триумфе старейшинам из Главного совета магов, Яёи строго спросил:

— Кроме Сёко, об этом кто-нибудь знает? До верхушки доползли слухи?

— Пф-ф, за кого ты меня принимаешь? Я же не идиот, чтобы выкладывать им все козыри, — самодовольно хмыкнул Сатору. Он оперся локтями на деревянные перила мостика и лениво уставился на покачивающиеся на ветру кроны кипарисов. — Тайну личной техники нужно беречь как зеницу ока, иначе враги живо нащупают слабое место.

Яёи скептически сощурился. Из уст человека, который буквально полминуты назад без тени сомнения выболтал секрет государственной важности первому встречному — то есть ему, — эта тирада звучала чертовски неубедительно.

Сатору, кажется, тоже уловил двусмысленность своего заявления, но лишь через пару секунд. На его щеках проступил едва заметный смущенный румянец, и он спешно уткнулся взглядом в землю, неловко кашлянув.

Разрядил обстановку вернувшийся Сугуру. В руках он держал компактный пластиковый кейс с медикаментами. Запихнув его поглубже в рюкзак, он скомандовал подъем, и троика двинулась вверх по скользким ступеням.

Каменная тропа к святилищу упрямо вела на восток. Небо звенело хрустальной синевой, а беспощадное солнце раскалило воздух до предела — даже порывы ветра приносили не прохладу, а обжигающий зной.

Не выдержав душной тяжести одежды, Яёи стянул плотную рубашку и спрятал её в сумку, оставшись в одной легкой белой футболке.

Яёи вообще плохо переносил холод, предпочитая зной любой прохладе. В Портовой мафии в его кабинете даже в самые жаркие летние дни кондиционер намертво застывал на отметке в двадцать семь градусов, из-за чего его верный заместитель Цукияма Хаято ласково величал босса «двадцатисемиградусной тропической ящерицей».

Прошлым летом Накахара Чуя заглянул к нему для доклада и уже через полчаса взмок настолько, что со стоном сбросил свое кожаное пальто, обозвав кабинет брата чертовым инкубатором.

Впрочем, облегчения это не принесло. Отросшие за последнее время пряди волос неприятно липли к шее, раздражая разгоряченную кожу и заставляя постоянно чесаться.

Терпение Яёи лопнуло. Он перехватил у Гето простую черную резинку для волос и наспех собрал непослушную шевелюру в небрежный хвостик, полностью обнажив белую шею.

Дорога пошла под уклон. Яёи шагал чуть впереди Сатору, внимательно глядя под ноги, чтобы не поскользнуться на изумрудных шапках мха. Его голова была наклонена, отчего на бледном затылке явственно проступили изящные позвонки. От духоты и ходьбы по нежной коже струились крошечные бисеринки пота.

Сугуру, шедший вровень, заметил это и достал из кармана бумажные платки. Вытянув один, он протянул его другу.

— Держи, Яёи. Промокни шею, — негромко произнес он.

Яёи, на ходу делавший глоток из фляги, обернулся и благодарно принял салфетку, пахнущую легким ароматом белого чая:

— Спасибо, Сугуру.

Наблюдавший за ними Сатору прищурил свои небесно-голубые глаза под темными стеклами очков.

Обычный жест, мимолетная забота между одноклассниками — месяц назад, на заре их знакомства, Сатору даже бровью бы не повел.

Но сейчас в груди словно застрял тяжелый, угловатый комок. Смотреть на то, как непринужденно эти двое понимают друг друга без слов, было невыносимо тошно.

Впереди тропу пересекали узловатые корни старых сосен. Яёи сбавил темп и пристроился плечом к плечу с Гето.

Беспокойство за оставшихся на другом конце океана Рико Аманы и её опекуншу не давало ему покоя.

— Сугуру, тебе писала Курои-сан? — спросил он вполголоса.

В тот памятный день, блуждая среди болотных зарослей в малайзийском Куантане, испуганная Мисато Курои выпросила у Гето номер мобильного на случай, если их группа разделится.

— Да, прислала весточку, как только они выбрались из Куантана, — кивнул Гето. — Сейчас они на острове Тиоман. Хвоста за ними нет, все чисто.

— Слава богу, — облегченно выдохнул Яёи.

— Возвратятся ближе к концу апреля, — добавил Сугуру, успокаивающе похлопав его по плечу. — К тому моменту фанатики из Ассоциации Звездного Сосуда окончательно выдохнутся и свернут свои поиски. Не переживай так.

Яёи едва заметно кивнул, соглашаясь с доводами друга.

А внутри у Сатору тем временем поднималась какая-то горькая, едкая волна — точь-в-точь как от глотка крепленого вина, которое он тайком стащил из отцовского погреба в детстве. В легких вспыхнул сухой, раздражающий жар.

Там, на школьном дворе, когда холодное железо Перевернутой небесной алебарды разорвало ему трахею и мир стремительно погружался во тьму, перед его внутренним взором внезапно возникло бледное лицо Яёи. И тогда же в угасающем сознании безумной искрой пронеслась мысль.

«Что, если я скажу ему? Как он посмотрит на меня, если я откроюсь?»

Очнувшись после экстренного самоисцеления Обратной проклятой техникой, Сатору напрочь позабыл об этом мимолетном видении. Но сейчас, поймав ответный взгляд Яёи, он почувствовал, как этот сумасшедший вопрос с новой силой застучал в висках.

Надеяться на взаимный порыв со стороны Накахары не приходилось — этот скрытный, вечно настороженный парень скорее согласился бы заживо сгореть, чем признался бы кому-то в чувствах первым.

Заметив затянувшийся обет молчания со стороны Годжо, Яёи удивленно вскинул брови. Обычно Сатору не упускал ни единого шанса влезть в чужой разговор со своими дурацкими шутками, едва они с Сугуру обменивались парой фраз. А тут — тишина.

Из чистого любопытства Яёи незаметно скосил глаза назад, силясь разглядеть, чем занят шедший позади бунтарь.

Их взгляды мгновенно пересеклись. Сатору перехватил этот осторожный, полный немого вопроса взор.

Сильнейший маг современности поспешно опустил голову, пряча глаза под стеклами очков, но вместо прежней хмельной горечи в груди внезапно разлилось что-то до глупого теплое и липкое, словно растаявший на солнце леденец.

Запретная мысль вновь настойчиво забилась под черепной коробкой, заставляя уши Сатору предательски полахать.

«Да ладно, я же не собираюсь признаваться ему прямо здесь и сейчас», — мысленно оправдывался он перед самим собой. — «Просто поразмышлять-то мне никто не запретит».

«Но всё-таки... Если бы я действительно набрался смелости и сказал это вслух... согласился бы Яёи стать моим?»

<http://bllate.org/book/19457/2004631>